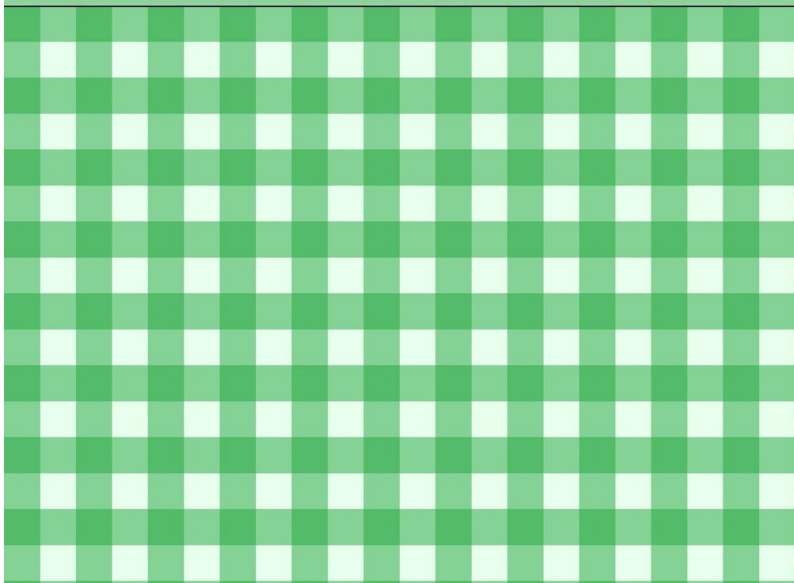

Андрей Огрызко

Психоаналитик

Сборник рассказов

Андрей Огрызко
Психоаналитик.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39286402

ISBN 9785449372734

Аннотация

Короткие остросюжетные рассказы-миниатюры. Легкое приятное чтение, которое поможет скрасить досуг и составить настроение. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Психоаналитик	5
Арифметические метаморфозы разницы в возрасте	11
Любовь втроем	17
Я люблю кошек или еще раз о любви	20
Магистр Свободного Времени	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Психоаналитик

Сборник рассказов

Андрей Огрызко

© Андрей Огрызко, 2018

ISBN 978-5-4493-7273-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Психоаналитик

Я не понимаю, почему в Америке так много убийств? Ведь у них так много психоаналитиков и психотерапевтов? То один пошел и перестрелял своих коллег, то другой устроил пальбу в каком-нибудь общественном месте. Получается, психотерапевтов у них все равно не хватает.

Меня очень живо интересует этот вопрос, потому что я сам психоаналитик. Правда, не дипломированный, но тем не менее настоящий, так сказать, прирожденный. По призванию. А это, согласитесь, самое главное!

Метод мой своеобразен и очень эффективен: я просто слушаю больного. Ничего не говорю – говорит все время он – а я сижу (или стою или лежу) и молча слушаю. Ну, иногда киваю головой либо в знак одобрения, либо согласия, а на самом деле в знак поощрения.

– Да откуда же у вас пациенты? – спросите вы, – если вы доморощенный, так сказать, психоаналитик.

– Да отовсюду! – отвечу я, – отовсюду лезут! Чувствуют меня, что ли!

Я ничего не зарабатываю на этом. Но упорно продолжаю практиковать. Так уж я устроен. Может быть, я это делаю

против своего желания. И меня, не скрою, это напрягает. Но скорее всего напрягает меня не сама практика, а то, что я ничего на этом не зарабатываю.

Несправедливо.

Я слушаю так, что больному сразу становится легче. Таких как я называют «свободные уши», но это неверное определение, хотя и остроумное. По крайней мере в отношении меня. Я – психоаналитик! Повторяю для тупых! Психоаналитик!

Вот недавно я был в Сбербанке. И там молодой клерк, дежурный по залу, рассказал мне про себя все: и как он сюда попал, и как прошел собеседование, и где до этого работал, и какой у него «ай-кью», и что платят в «сбере» немного (на прежней работе больше платили), но зато престижу много, и после «сбера», как он считает, можно устроится на любую работу и подняться по ступенькам карьерной лестницы... Он уже начал рассказывать мне, что в «сбер» ему посоветовала устроиться его жена, и какая она у него хорошая, добрая, умная, но тут его прервала одна старушка, которую на старости лет зачем-то решили приобщить к высоким технологиям и уговорили на пластиковую карточку, которую она теперь сослепу тыкала в банкомате в отверстие для приема денежных знаков.

А то бы мне пришлось слушать его до окончания рабочей

смены. Уж я-то знаю! Настоящий больной!

Зачем же я его не прервал под каким-либо благовидным предлогом, спросите вы?

Не мог. Клятва Гиппократа, знаете ли. Да-да! Я ее торжественно принес, когда понял, что я врач, психоаналитик. Не официально, конечно, но на полном серьезе, дома, на кухне, когда никого не было.

А ведь я всего лишь спросил этого клерка, какую клавишу нужно нажать для талончика в электронной очереди. Вот такие у меня способности. Надеюсь, ему полегчало!

А вокруг очень много больных. Сосед, например, как напьется, так бежит ко мне душу отвести. И я слушаю, слушаю, слушаю... Каково это мне? Но клятва Гиппократа, знаете ли!

На днях «гаишник» меня остановил, усадил к себе в машину и битый час воспитывал, долго объяснял, в чем я не прав, и что было бы, если бы не он. При этом нервно вертел в руках мои права.

Потом он начал рассказывать мне ни с того, ни с сего, как с него начальство за этот перекресток стружку снимает. Не успеешь оглянуться, как уже авария.

Я все слушал, слушал, слушал, а ему становилось все легче и легче и уж совсем полегчало, когда я ему сунул «бумаж-

ку под фуражку».

С моей женой явно не все в порядке. Слава богу, что у нее есть я со своими способностями. Она все время что-то говорит. А я все слушаю-слушаю-слушаю. Вот недавно гарнитур новый в прихожую ей приспичило, и она долго объясняла мне что-то и что-то там такое показывала в интернете. Она все говорила и говорила, а я все слушал и слушал. Так продолжалось дня три или четыре, и ей стало значительно легче, хотя гарнитур она так и не поменяла.

Просто я умею слушать. Это мой метод, знаете ли.

Про тещу я уж и не вспоминаю. Это само собой разумеется. Очень больной человек! Она мне все рассказывает. Особенно про меня самого. Во всех подробностях. Она про меня очень много знает. Даже такое, чего я сам про себя никогда бы без нее не узнал! Но может быть, ей виднее!

Вы скажете, что я бесхарактерный! Послал бы ее куда подальше! Но как я могу? Ведь я же врач, а она больной человек. Я должен ее выслушать, ведь ей от этого становится легче!

На улице ко мне пристают различные прохожие. Сначала спрашивают, как им пройти куда-то, потом рассказывают мне, зачем они туда идут, и, наконец, кто они такие и откуда. Они говорят, говорят, говорят, а я слушаю, слушаю, слушаю.

шаю... Очень много больных людей, которым нужна моя помощь!

На работе у меня чуть что – все бегут ко мне. Меня зазывают покурить на лестничную клетку, угощают сигареткой и говорят, говорят, говорят, а я все слушаю, слушаю, слушаю... Киваю головой и слушаю. Работаю.

Особенно любит поговорить со мной мой начальник. Он считает себя великим администратором, а меня – идиотом. На моем фоне его администраторские способности расцветают пышным цветом. На всех собраниях, летучках и семинарах он очень много говорит обо мне, о том, как не надо делать то, что я делаю.

Он говорит, а я не возражаю. Ведь ему от этого явно становится легче. По крайней мере после этого он не цепляется к другим. Я умею его слушать.

Я не обижаюсь. Что с него взять? Ведь больной человек! Правда, он время от времени задает мне кой-какие вопросы, и я, как мне кажется, коротко высказываю довольно дельные мысли, потому что через пару месяцев он публично выдает их за свои.

Но в основном он вызывает меня к себе, чтобы объяснить мне какой я болван, и какой он добрый человек, что терпит меня в нашем коллективе.

Вот и сегодня он вызвал меня к себе и говорил, говорил,

говорил, а я слушал, слушал, слушал...

Но потом мне пришла в голову мысль, а почему я, высококвалифицированный психоаналитик, должен слушать его бесплатно? Нет-нет! Он должен расплатиться со мною! Пусть не деньгами – свободных денег в нашей конторе никогда нет – но пусть теперь он выслушает меня!

Пусть теперь он попробует, каково это быть бесплатным психоаналитиком!

Вы скажете, у него не получится! Еще как получается! Я говорю-говорю-говорю, а он слушает, слушает, слушает!

Вот уже начали ломать запертую дверь! Мой начальник сидит, вытянувшись в кресле. Наконец-то он уgomонился. В руках у меня нож, который я принес с кухни. Нож перепачкан тортом, который по случаю дня рождения принесла одна из моих коллег. А еще нож перепачкан кровью. Рука начальника безжизненно свисает и по ней тоже течет кровь.

А я все говорю, говорю, говорю, а он все слушает, слушает, слушает... и мне становится легче, легче, легче!

Арифметические метаморфозы разницы в возрасте

3

Когда я увидел ее в первый раз, она была старше меня почти в три раза, но это я осознал позднее, выучившись арифметике и уяснив, что арифметика нужна не только для того, чтобы показывать родителям отметки в дневнике.

Как оказалось, она жила в соседнем дворе с матерью, воспитательницей моего детского сада, и забежала к матери как раз в тот момент, когда я с упоением раскачивался на деревянной лошадке.

Увидев ее, я сначала обомлел и несколько мгновений раскачивался по инерции, а потом так взбрыкнул, решив тем самым показать свою кавалерийскую удаль, что перекувыркнулся через голову, и мой оглушительный рев потряс всю округу.

Не знаю, добился ли я того, чего требовал мой инстинкт, но она хлопотала вокруг меня, лежащего и вопящего на полу, вместе с набежавшим персоналом детского сада.

В результате я заработал большую шишку, но, как выяснилось впоследствии, она, так же как и я, запомнила этот случай на всю жизнь.

Кстати, первым, кто не только подметил, но и озвучил

эту колоссальную, по его словам, разницу в возрасте, был мой отец. Когда моя мать рассказала ему о происшествии, он тут же понял причину всей этой кутерьмы, внимательно посмотрел на меня и произнес, весело подмигнув моей матери: «А вы, молодой человек, для своих пяти лет на редкость любвеобильны!» Так он, как я понял впоследствии, на свой лад перефразировал слова дядюшки Барри Линдона из романа Уильяма Теккерея.

2

Через несколько лет я учился в средней школе. Мальчики носили тогда серую мешковатую форму, а девочки коричневые платья с черными, а по праздничным дням, белыми фартуками.

На улице была эпоха мини юбок. Что это было за время! Не знаю, с чего это Пушкин взял:

«..... только вряд

Найдете вы в России целой

Три пары стройных женских ног».

Ведь в его время женщины носили длинные платья и, скорее всего, Александру Сергеевичу просто фатально не везло.

И она тоже носила мини...!

И я следил за нею, вернее, выслеживал ее.

В школе и во дворе меня высмеивали, а мне было все равно!

«Надо же!, – сказал по этому поводу мой отец, – этот Ро-

мео из третьего класса влюблен в женщину в два раза старше его! Лучше всего для тебя было бы, – продолжил он, – если бы твоя будущая жена еще не родилась».

Из всего сказанного моим отцом я принял во внимание только одно: соотношение в возрасте между мною и ею резко сократилось.

Она встречалась с неким худошавым молодым человеком с густой черной шевелюрой и в очках.

Я бешено ревновал, преследуя их, как тень, и подглядывал, как они целуются. Потом она вышла замуж и уехала к нему на другой конец города.

1/3

Прошло лет десять. Я сам стал высоким, стройным спортивным молодым человеком. Учился на физмате, увлекался шахматами, игрой на гитаре, поэзией и сильно нравился девушкам.

Был этаким «физиком и лириком» в одном флаконе.

Я снова встретил ее, когда она уже была разведена и вместе с сыном вернулась жить к матери.

Я хорошо помню тот теплый летний вечер. Сын ее, как выяснилось потом, уехал в Артек, а мать осталась дежурить в ночной смене в детском саду.

Пошел сильный дождь, и я, запыхавшись, влетел в свой подъезд и там увидел ее. Она забежала туда, не успев добежать до своего подъезда.

Горела лампочка, и я увидел в ее волосах сверкнувшую

паутинку дождевых капель. А еще я увидел в ее потемневших зрачках свое отражение. А может, мне это все показалось...

Наши отношения были бурными, но длились недолго.

Соседки, и мои, и ее, осуждали нас. Такое уж было время! Моя мать была в ужасе.

А отец изрек в своей обычной манере: «Ну и что! Она ведь старше его всего лишь на треть!»

«Сын влюбился в женщину бальзаковского возраста, – добавил он, – и стал напевать себе под нос песенку на слова Сельвинского: «Бальзак воспел тридцатилетнюю, а я бы женщину под сорок!»

Все это было сказано в присутствии соседа, с которым отец в тот момент пил пиво, и сосед тут же рассказал по этому случаю анекдот: «Один коллега по работе спросил другого: «а вы каких женщин любите?» «Я? – ответил тот, – бальзаковского возраста!» «Да что вы, батенька, Бальзак-то умер двести лет тому назад!»

Через месяц из пионерлагеря вернулся ее сын, и она твердо сказала, расставаясь со мной, точь-в-точь повторив слова Брет из романа Хемингуэя «И восходит солнце!»: «Не хочу я быть такой дрянью, которая занимается тем, что губит мальчишек».

Вскоре я узнал, что за ней ухаживает какой-то солидный мужчина, значительно старше ее, сотрудник МИДа. Потом они поженились и уехали, кажется, в Монголию зарабаты-

вать на новую квартиру и «Волгу».

С тех пор я начал курить.

1/4

Я женился, развелся: слава богу, обошлось без детей и лишних переживаний. Преподавал в вузе математику. Получил комнату. Жил холостячком, божественной жизнью. Играл на гитаре. Ходил в турпоходы. Встречался с женщинами.

Потом началась перестройка. Потом ваучеризация и приватизация. Я бросил преподавание, устроился в коммерческую фирму, что-то там покупал и продавал. Иногда сидел без денег. Иногда хорошо зарабатывал. Будучи не обременен семейными обязательствами, жил легко и свободно, пока опять не женился.

И вдруг снова встретил ее!

Она работала топ-менеджером в крупной компании, куда, благодаря своим связям, ее устроил муж.

Сначала была деловая встреча, потом корпоративная вечеринка, а потом наша страсть разгорелась, как сухой валежник.

Ее муж давно уже не справлялся со своими мужскими обязанностями, а я с удовольствием отметил про себя, что она старше меня всего лишь на четверть, и никому нет дела до нашей разницы в возрасте.

К сожалению, добром это не кончилось.

Ее муж догадался о наших встречах. Моя жена тоже.

И у меня, и у нее начались скандалы со сценами. И нам пришлось снова расстаться....

— «» — -«» — -«» —

Сегодня про меня можно сказать словами Робинзона Крузо: «я попал на этот остров еще совсем молодым человеком, а сейчас я уже зрелый, вернее, пожилой мужчина».

Я живу со своей женой, которая, как и советовал мой отец, родилась, когда мне было двенадцать лет, а по ночам тоскую о той, возрастное соотношение с которой сокращается с каждым годом.

Может быть, когда-нибудь наступит час, и мы станем окончательно свободными... и в первую очередь от разницы в возрасте.

И в один теплый осенний вечер мы побредем рука об руку по аллее какого-нибудь старого парка, два старичка, бережно поддерживающие друг друга....

Любовь втроем

Шесть секунд на нее смотрел. И вот – страсть! Обрушилась на меня соленой волною. Сбила. Закрутила.

Ах, страсть, страсть! Увидел ее в первый раз и вот тебе на: «Вознесся выше ОН главою непокорной Александрийского столпа!». Спасибо, железная молния на джинсах не подвела. Выдержала!

А на вид она была стервочка! Этакий ветерочек. Викон-тесочка!

«А у тебя ладони светятся,
А ты свободна и никчемна!»

И не мной одним крутила. Сегодня мной, а завтра им. И наоборот. Но это все потом.

Сначала ожидание у подъезда. Притоптывание на морозе. «Надо меньше пить! Надо меньше пить!» – ну, вы сами знаете!

Выходила из подъезда. Я срывал газету с букета из роз. А она на мой преданно-собачий взгляд: «Да ведь я тебя все равно не люблю!»

Психовал. Кидался розами в сугроб. Там они и гибли.

Подымал глаза к небу. Клялся, что в последний раз! Ни ногой, ни рукой, ни языком. Ничем иным и никак! Никогда!

Но она появлялась снова. Улыбалась. Томно растягивала слова: «А ты что меня бо-о-о-льше не лю-ю-ю-бишь? Да-а-

а?»

Виконтесочка! Ветерочек!

Да и что в ней было такого? А ведь было! Шесть секунд было, когда я на нее смотрел в первый раз. А потом и пошло, и поехало. По Фрейду. Наука-то она штука тонкая! Не мой «александрийский столп»!

А потом я смотрел на нее, как кролик на удавочку. Виконтесочка! Ветерочек! Удавочка! Баттерфляечка!

А ведь ни разу не дала! Динамила! В подъезде, да! Целовались! В квартиру поднимались! В прихожей норковую шубку с нее снимал. Мною купленную! Всю такую теплую. Воздушную. Абсурдно пахнувшую с мороза запахами далеких гавайских островов! «А дальше?» – спросите вы. А дальше она ставила на полочку только что подаренные «Живанши» и ручкой так меня легонько к двери в грудь подталкивала: «Не сейчас, мой милый! Еще рано! Сейчас не могу! Извини! Никак не могу! Чуть позже, солнце мое!»

Я бледнел, я краснел! Металлическая молния на ширинке еле справлялась с обязанностями! Но что-то меня останавливало. Знаю что. Любовь! Шесть секунд! И я уходил покорно.

А у нее не было этих шести секунд по Фрейду, ничего у нее ко мне вообще не было!

Ни разу так и не дала! Даже когда в Италию ее возил, жили в разных номерах! Ну, не тряпка ли я?

Виконтесочка! Удавочка! Баттерфляечка! Ветерочек!

Отравочка! Девочка моя ненаглядная! Птичка моя поднебесная! Сучка!

А потом как-то стою у подъезда. Смотрю. Еще один с розами. Сердце екнуло! Нехорошо так!

Подождал с минуту и за ним! Кнопки лифта были как глаза у ментов. Как доехал, не помню. Выхожу. Дверь в ее квартиру открыта. И она с букетом роз в руке. Выталкивает его: «Не сейчас, мой милый! Солнце мое! Потом! Потом!».

Он повернулся на шум лифта. Увидел меня и мои розы. Переглянулись мы. И вдруг, не стовариваясь, ринулись оба в ее квартиру!

Не помню, как срывали с нее одежду! Не помню, вырвалась она или нет! Кричала или нет! Этого я не помню! Но сделали мы с ней все, что захотели!

А потом оба выскочили, напяливая на себя на ходу шмотки. И почему-то каждый со своим букетом роз.

И кинули их на снег умирать! И больше не возвращались! Ни я, ни он, насколько я знаю.

Я люблю кошек или еще раз о любви

Я люблю кошек. На то есть вполне конкретные причины – только дочитайте до конца. Но не всем это нужно объяснять. Некоторые понимают с полуслова. Один мой знакомый (не друг и не приятель, а именно знакомый, правда, надо добавить – хороший) сказал мне, бросив на меня быстрый взгляд: «Я их тоже люблю». Он их любил вполне конкретно. Держать у себя в доме он кошку не мог – у жены якобы была аллергия на кошачью шерсть – но он подкармливал бездомных кошек у себя на даче (причем и зимой и летом). Так он спокойно без фанатизма любил кошек

Есть люди, которые держат кучу кошек в малогабаритных квартирах. Я не верю в то, что они любят кошек. Скорее всего, они любят самих себя или, что еще вероятнее, они любят свою любовь к кошкам. Кошки у них не живут, а мучаются. Ведь кошки – ярые индивидуалисты. Каково им живется в такой куче? Правда, может они об этом не догадываются. Как когда-то остроумно заметил актер Лев Дуров: «Я при Сталине жил хорошо, потому что я не знал, что живу плохо!» Вот так и кошки живут при таких хозяевах.

Рассказывают, что кардинал Ришелье держал у себя более сорока кошек. И они ходили за ним попятам, подняв хвосты (признак хорошего настроения). Но нельзя забывать, что Арман дю Плесси де Ришелье жил во дворце и у него, а соответственно и у его кошек, была куча прислуги.

В разные века к кошкам относились по-разному. В Древнем Египте их боготворили – в Средние Века их сжигали на кострах, как прислужников нечистой силы, в современном мире некоторые считают их инопланетянами – во что, глядя на кошек, действительно хочется верить.

Так за что я люблю кошек?

Допустим, за то, что они ничем не пахнут. Вернее, пахнут теплой шерстью. А это очень приятно.

«О чем это он?» – спросите вы, – и шерсть, и инопланетяне, и Древний Египет».

«Это о любви, – отвечу я, – о любви».

Еще в ранней юности я смотрел фильм «Люди-кошки». Героиня этого фильма превращалась по ночам в кошку. Она была в моем вкусе. Я, наверное, тогда влюбился в нее. Может быть, это вошло в мое подсознание.

Женщина, которую я полюбил много лет спустя, была

женщиной-кошкой. До этого у меня были женщины-собаки. Они все время суетились и тявкали – а это было невыносимо.

Мы познакомились на вечеринке у наших общих знакомых, и хозяйка квартиры, увидев, что я с интересом поглядываю на ее гостью, познакомила нас, сказав, что у той живут две кошки.

«Я люблю кошек», – сказал я ей.

«А я не люблю кошек, – сказала она.

«Но у Вас же есть две кошки!», – удивился я.

«Я не люблю всех кошек вообще, – сказала она, подумав, – а только своих собственных».

Так она вошла в мою жизнь. Черные волосы, короткая стрижка, зеленоватые глаза, и когда она сидела, ногу на ногу, – с ума можно было сойти!

Я так и не узнал, где она живет. Сначала мы встречались в гостиницах. Потом у меня. Потом она как-то взяла и переехала ко мне жить вместе со своими кошками.

Зачастую кошки так и попадают к нам в дом. Они сами выбирают, где им жить.

Работала она, по ее словам, дизайнером. И верно. Одевалась она со вкусом. Утром уходила. Вечером приходила. И кошки чинно встречали ее, точно угадывая время ее прихода. Вот так у меня поселилось это кошачье племя. Впро-

чем, ее кошки вели себя вполне прилично. Драли только половички в прихожей и ходили исключительно в лотки.

Когда она оглядела мою обстановку, я понял, что просто так не отделаюсь. Она и вправду была дизайнером.

Она любила красивую посуду и красивое постельное белье. Ей нравилось сидеть в кресле, подогнув под себя ноги в аккуратных белых чулочках а ля тридцатые годы прошлого столетия, в которых она бесшумно ходила по дому.

Готовила она очень хорошо, хотя и призналась, что делает это ради меня, поскольку терпеть не может готовить. Может, любила?

Была она неразговорчива. Если на меня накатывал словесный, скажем так, раж, она слушала молча, курила, и только поводила своими зеленоватыми глазами. Кошки сидели рядом с ней и поводили ушами.

А бывало, на нее находило, и она становилась, как морской прибой. «Та-а-к! – медленно растягивала она слова, глядя на меня в упор, – приступим!» «Страстная, как юная тигрица», – сказал про таких Гумилев. Но в этой страсти была некая деловитость: быстрыми и четкими движениями снятая и аккуратно сложенная одежда, четкая и аккуратная нагота, деловитая, как огонь в газовой конфорке. Но от этого огня я умирал по несколько раз и воскресал вновь.

А ранней осенью мы укатили с ней во Францию, в Прованс, к потомкам провансальских трубадуров. И было сверкающее море, и солнце, нагнетавшее краски до бездонных глубин, и пятнистые платаны в солдатской униформе, разбрасывающие вокруг себя тень, и узкие безлюдные улочки маленьких провансальских городов, с чугунными фонарями, с покрытыми зноем и облезлой штукатуркой стенами невысоких домов, где цветные ставни были плотно затворены, а простыни на бельевых веревках раздувались и хлопали над головой, как паруса. И на всем стояла печать моря.

В каждом городе мы покупали сувенирные тарелки. Городов было много и тарелок было много, и она по возвращении повесила их на стене на кухне. Когда я заказал новый холодильник, то грузчик-узбек, остановившись перед тарелками, спросил: «Эта так просто здесь висит или эта вы там били?» А узнав, что были, почему-то заулыбался и радостно зацокал языком.

Так мы прожили вместе довольно долго, и я, наверное, привык к этому. Ну, живем и живем! Успокоился, расслабился в быту, перестал оказывать знаки внимания. Вероятно, я решил, что она никуда от меня не денется, и всем своим видом, сам того не замечая, показывал это. В общем, утратил чувство такта. Я забыл, что кошки гуляют сами по себе.

Может, я сказал что-то не так, и это стало последней каплей.

Я понял все это потом, когда она внезапно ушла от меня безо всяких объяснений, выбрав время, когда меня не было дома, оставив все на своих местах, забрав только свои личные вещи, своих кошек, их лотки и сувенирные тарелки со стены. Оставив мне свой пустой шкаф, пятна на опустевшей стене и пустоту в душе.

Я бросился разыскивать ее. Безрезультатно. Как полоумный метался я по нашим общим знакомым, расспрашивая о ней. Но они пожимали плечами: «А разве она не с тобой живет?» «Да нет же, – тормошил я их, – где она раньше жила, до меня?»

Выяснилось, что они ничего не знали. Она всегда появлялась ниоткуда и исчезала в никуда. Так она и осталась для меня «вне зоны досягаемости», как абсолютно верно сообщил мне казенным языком номер ее сотового телефона.

Я смирился, пришел в себя (ушел в себя?), и, может быть, успокоился. Но по вечерам напряженно вслушивался в каждый шорох в коридоре за дверью: не идет ли она домой?

Как-то на одной из вечеринок у знакомых, где мы вместе с ней бывали раньше, зашел разговор о домашних кошках.

«Они дерут мебель и обои, и от них полно шерсти. Они ласкаются к тебе, когда хотят есть!» – воскликнул один из присутствующих.

Я хотел возразить. Но меня опередил серьезный мужчина средних лет, который сидел напротив.

«Да-да! – задумчиво произнес он, – все это так, к тому же им сложно верить. Но все равно они такие классные!»

Я встретился с ним взглядом, и мне показалось, что.... но я отогнал от себя эту мысль и вскоре ушел, не став задавать ему дурацких вопросов.

Но однажды возле своего подъезда я вдруг снова увидел ее! Это была она! Она вернулась ко мне! Я заглянул в ее зеленоватые глаза, поднял ее на руки и понес домой. Она была совершенно спокойна на моих руках. В квартире она повела себя так, как будто никуда не уходила.

Жизнь вернулась ко мне вместе с ней, и на этот раз я старался вести себя как можно тактичнее.

Когда я смотрю телевизор или читаю книгу, она садится рядом со мной, обвив роскошным темным хвостом свои лапки в белых чулочках, о чем-то думает, а когда я обращаюсь к ней, она поднимает на меня свои зеленоватые глаза и, вслушиваясь, поводит ушами.

Магистр Свободного Времени

Питер Макдауэлл, 32-летний подтянутый обаятельный служащий корпорации NBCD, собирался прибыть на заключительное собеседование в Совет Директоров, на котором должен был решиться вопрос о его повышении.

Он набрал номер, чтобы заказать такси.

«Ваш личный код, сэр?» – раздался приятный, но со стандартными интонациями, женский голос.

Он назвал. В трубке раздалось легкое постукивание по клавишам.

«Отлично, сэр, Вы должны будете потратить установленную Вам сумму денег в рамках Вашей занятости».

«Непременно, мэм! У Вас потрясающий голос!»

«Спасибо, сэр. Можете спускаться. Машина скоро будет у Вас!»

«Черт! – подумал он. – скорей бы благополучно пройти собеседование и начать пользоваться общественным транспортом».

Мери, девушка с которой он встречался, давно уж имела это право, и он чувствовал себя не в своей тарелке. Конечно, ни он, ни она не были снобами, и он ничего не имел против того, чтобы его девушка делала более успешную карьеру, чем он, но самолюбие все-таки страдало.

Он вышел из подъезда своего элитного многоквартирно-

го дома, куда переехал из собственного особняка на Пре-стиж-бич пару лет назад после очередного повышения по службе.

У подъезда стоял черный «Мерседес» последней модификации с шашечками «такси» на крыше. Водитель выскочил из такси и услужливо открыл перед ним заднюю дверь.

Питер поморщился. «Ничего! – дай бог это скоро кончится!».

Водитель, молодой парень в костюме от «версачи», которой стоил уйму денег, с завистью оглядел простую джинсовую куртку Питера.

«Неплохо живете, сэр» – сказал он, обращаясь к Питеру, когда машина тронулась.

«Да, конечно, но ведь всегда надо стремиться к лучшему», – вежливо ответил Питер.

«Небось не каждый день на службу, сэр?»

«Слава богу, не очень часто», – также вежливо сказал Питер.

«А я вот каждый день кручу баранку – пожаловался парень, – никак не могу избавиться. В последний раз выдали кучу денег и предписали приобрести себе красный спортивный „Феррари“, сэр! Я им: да куда мне его! Мне и вот этого добра хватает! – парень кивнул на торпеду „Мерседеса“, – а они: не положено по штату обходиться без „Феррари“, должен же кто-то покупать эти проклятые машины, и должен же их кто-то делать, чтобы занять свое время, раз

не умеешь с достоинством им пользоваться. Так мне моя девчонка, как увидела меня на „Феррари“, такой скандалище закатила! Мол, не хочу больше встречаться с неудачником!»

Питер участливо вздохнул.

«Ну, хоть бы раз прокатиться на общественном транспорте! – продолжал жаловаться водитель, – но ведь нет, не положено – слишком дешево! Не мой статус!».

Рядом остановился серебристый «Порше».

«Эх, вот еще один бедолага!» – сказал водитель.

Питер кивнул, и оба с завистью посмотрели на проехавшего мимо велосипедиста.

«А вы в этом многоквартирном доме живете?» – спросил парень.

«Да, – сказал Питер.

«Вот везунчик, должно быть умная у вас голова! А я вот все никак не съеду со своего поместья в Лас-Паломас. Уже и мои одноклассники почти все сделали карьеру и посъезжали кто в особнячки, а кто и как вы в многоквартирки. Ко мне уже больше не заходят. Кто стесняется, а кому-то меня жалко! Охота видеть неудачника!»

Водитель притормозил у парковки.

«Вот, сэр, приехали! С Вас установленная сумма денег, ни цента меньше! Да еще положенные мне чаевые! Будь они неладны!».

Питер вошел в скромно обставленный вестибюль штаб-квартиры «NBCD» и поднялся на лифте на 40-й этаж, где

размещался Совет Директоров. Он с одобрением и завистью взглянул на красивую личную секретаршу президента компании в элегантной полинялой кофте и кроссовках, которая в этот раз дежурила на заседании.

«Питер Макдауэлл?» – спросила она.

Питер кивнул.

«Отлично, Вы очень точны, сэр, несмотря на то, что у Вас пока нет права пользоваться общественным транспортом, – сделала она комплимент Питеру, – проходите, Вас ждут».

Питер вошел. Десяток респектабельных мужчин и женщин в великолепных поношенных и потертых костюмах повернули к нему головы, ласково улыбаясь.

«Ну, что же, Питер! – сказал президент компании, оглядывая бумаги, – мы ознакомились с Вашими данными. У Вас прекрасные деловые качества. Вы занимаете 1438 позицию в мире по игре в шахматы. Также нам стало известно, что когда Вы последний раз ездили в Италию, Вы ни разу не посетили ночной клуб, а занимались изучением итальянской поэзии времен Раннего Ренессанса.

Кстати, как там у Петрарки? «Все, в чем отраду сердце находило»? – процитировал он и поощрительно кивнул Питеру, приглашая его продолжить.

«Сочту по пальцам, – продекламировал Питер, закрывая глаза от наслаждения, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.